

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

---

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ  
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ  
ВОПРОСЫ  
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

*ВЫПУСК 28*



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007

**ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗРЫВА  
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ЭМИГРАНТСКОЙ  
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ  
(И.А. ИЛЬИН О СОВЕТСКОЙ РОССИИ)**

**Л.А. Гаман**

И.А. Ильин (1882–1954 гг.) – выдающийся русский религиозный мыслитель. Подобно ряду других ярких представителей отечественной культуры, Ильин был выслан из Советской России в 1922 г. в Германию. Довелось ему испытать и повторную эмиграцию: в 1938 г. он был вынужден перебраться в Швейцарию в связи с нескрываемым неприятием идеологии и социальной практики германского национал-социализма. Творческое наследие мыслителя поистине огромно, причем значительная его часть посвящена россиеведческой проблематике. Оно представляет большой интерес для современной отечественной историографии как в силу своей фактографической насыщенности, так и в связи с методологической его многоплановостью. Отличительной особенностью историко-теоретических изысканий Ильина являлось сложное комбинирование религиозно-философского осмысления истории с достижениями современных ему наук – социологии, истории, юриспруденции, экономики, психологии, филологии.

Применение междисциплинарного подхода оказалось продуктивным: полученные автором результаты исследования ряда сложнейших проблем («русская монархия», «русская революция», «советское строительство», «тоталитаризм», «фашизм», «демократия» и др.) сохраняют свою научную значимость до настоящего времени. Центрированные на теме Советской России, все они напрямую связаны с проблемой преемственности и разрыва в отечественной истории, столь остро обозначившейся и в постсоветский период. В русском же зарубежье первой половины XX в. от того или иного ее решения напрямую зависели оценки случившейся в России исторической трагедии и понимание перспектив дальнейшего развития страны. Так, например, Федотов, Бердяев, Степун, ряд других мыслителей акцентировали свое внимание на моменте преемственности, рассматривая советскую историю как один из модулов существования России в рамках единого российского исторического

процесса<sup>1</sup>. Ильин, также придававший проблеме преемственности и разрывов центральное значение, сосредоточил свое внимание, прежде всего, на ее втором компоненте, став, по сути, выразителем крайнего неприятия советского периода отечественной истории. Несмотря на ряд публикаций<sup>2</sup>, посвященных творчеству этого мыслителя, до настоящего времени обозначенная проблема не получила систематического освещения. Поэтому представляется актуальным освещение отдельных ее аспектов. Анализ этого блока его размышлений, кроме того, поучительно показывает, что доведенное до крайности акцентирование внимания на проблеме разрыва препятствует пониманию исторического процесса в его полном объеме и противоречивом единстве.

Необходимым условием освещения представлений Ильина о Советской России, не сводящихся к политическому дискурсу, обусловленных его религиозно-философскими представлениями, явилось привлечение обширного корпуса источников. В него вошли как монографические произведения мыслителя «О сопротивлении злу силою» (1925), «Путь духовного обновления» (1937), так и его публицистические работы, непосредственно посвященные анализу советской реальности. Среди них – «Большевизм и кризис современного правосознания» (1925), «Коммунизм или частная собственность» (1927), «Разрушение семьи в советском государстве» (1930), «Советский Союз – не Россия» (1947), серия статей «О русской идее» (1951) и др. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 по 1954 г.

Ильин пережил сложную мировоззренческую эволюцию. Недолгое увлечение в молодости политическим радикализмом, не связанным, впрочем, с марксизмом, в годы революции сменилось переходом сначала на позиции либерализма, а затем на позиции консерватизма. Все эмигрантское творчество ученого определялось именно этими последними. В качестве консерватора и идеолога российской государственности (именно в этом ключе следует рассматривать его приверженность «белой идее») Ильин уделял большое внимание национальному правосознанию («лояльности» в более поздней терминологии).

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Гаман Л.А.* Некоторые аспекты интерпретации Г.П. Федотовым русской революции 1917 года // *Вестник ТГПУ. Серия «Гуманитарные науки (история, этнология)»*. Вып. 1 (52). Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. № 1. С. 69–75.

<sup>2</sup> См. напр.: *Смирнов И.А.* И.А. Ильин о духовном обновлении России // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: В 2 т. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992. С. 6–15; *Евлампиев И.И.* От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // И.А. Ильин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2004. С. 7–64.

В его историко-философских построениях «правосознание» выступает одной из ключевых категорий. Конечно, здесь сказывалось его юридическое образование, в частности, принадлежность к школе П.И. Новгородцева. Однако эта категория не сводилась им лишь к сфере юриспруденции. «Живое правосознание» народа в интерпретации Ильина представляло собой сложную совокупность ряда начал, находящихся друг с другом в сложной коррелятивной связи. Таковыми началами являлись: «свобода», «совесть», «долг», «ранг», «авторитет», «дисциплина», «служение», «патриотизм», «частная собственность». Все эти начала, обеспечивающие устойчивое эволюционное развитие общества, выводились мыслителем исключительно из религиозных ценностей. Их отрыв от религиозного контекста вел к масштабному кризису правосознания, к его всесторонней формализации, начало чему было положено процессами секуляризации, инициированными западной культурой. Как полагал Ильин, именно эти последние и стали отдаленным прологом того глубинного разлома во всем христианском мире, который, по его убеждению, в своей законченной форме репрезентативно выразился в стихии русской революции и в пореволюционной России и который привел к беспрецедентному изменению ее матрицы. Он подчеркивал: «Большевизм надо воспринимать как созревший плод всеобщего кризиса правосознания. Пока он утвердился только в России, но имеет место во всем мире и всюду находит достаточно горючего материала. Бездуховность, деморализация, разложение правосознания начались повсюду, заражая собой и воспламеняя... Здоровое правосознание не сможет вообще принять описанное духовное состояние за правосознание... И тем не менее это безумие вознеслось до властных высот, вызвало нескончаемые... страдания, привело к потокам крови и все это – *в качестве функционирующего правосознания* (курсив Ильина. – Л.Г.)»<sup>3</sup>. Следует особо подчеркнуть характерную для Ильина мысль о высокой ответственности Запада за свершившуюся в России трагедию, хотя бы уже потому, что самый замысел проекта «социалистически-коммунистического» переустройства мира зародился и вызрел в недрах европейской культуры<sup>4</sup>.

---

<sup>3</sup> Ильин И.А. Большевизм и кризис современного правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 26; Ильин И.А. Наступление на Восточную христианскую церковь // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 296.

<sup>4</sup> Ильин И.А. Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 61.

Содержательная сторона системы лояльностей каждого народа определялась, согласно Ильину, его «национальным духовным актом». Это еще одно из ключевых понятий историко-философской концепции Ильина, выводившееся им из христианской идеи единичности личности, будь то личность индивидуальная (человек) или соборная (народ). По своему смыслу оно близко современному понятию «цивилизационное ядро»<sup>5</sup>: охватывает все манифестации национальной жизни, начиная от представлений народа о мироздании и заканчивая особенностями коммуникативного пространства, включая систему экзистенциальных ценностей и эмоциональные проявления народа. Этот блок размышлений Ильина существенно обогащался его филологическими изысканиями. Русская сказка, русские проза и поэзия становились для него источником историко-философского постижения национально-духовного бытия России. Но, конечно, ключевую позицию в размышлениях ученого по данному вопросу занимало его тщательное изучение православия и сформированного им православного духовного типа, выявление специфики которого осуществлялось, в частности, путем компаративистского анализа<sup>6</sup>. Особенностью трактовки Ильина этой в общем традиционной для русской религиозной мысли темы являлось его убеждение в том, что именно устойчивость православного духовного типа, как стержня «живого правосознания» русского народа, обеспечивала преемственность отечественной истории вплоть до революционных потрясений XX в. Забегая вперед, отметим, что глубина разрыва в развитии России наиболее отчетливо просматривалась Ильиным по линии антирелигиозных, в первую очередь, антихристианских гонений, как правило, юридически не обоснованных, в СССР.

Наибольшую обеспокоенность Ильина как раз и вызывало то обстоятельство, что русская революция нанесла удар не только по исторически сложившимся социальным формам, но, что гораздо опаснее, – по национальному духовному акту, по духовной жизни народа. Будучи религиозным мыслителем, придерживаясь провиденциальных представлений об истории, в философском отношении являясь неогегельянцем, он рассматривал духовную жизнь как имеющую онтологическую природу, напрямую связанную с Богом<sup>7</sup>. С этой фундаментальной посылкой

---

<sup>5</sup> Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность // Восток – Запад – Россия: Сб. статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 36–67.

<sup>6</sup> См., напр.: Ильин И.А. О национальном призвании России (Ответ на книгу Шубарта) // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 401.

<sup>7</sup> Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 186.

связано характерное для автора представление о высокой ценности отдельных культур как оригинальных вариантов служения Богу, определяющих их историческое предназначение. Так, историческим призванием России, обусловленным ее «идеями», по мысли Ильина, являлось осуществление «своей национальной земной культуры, проникнутой христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности», – осуществление «культуры сердца»<sup>8</sup>. Между прочим, это теоретическое положение явилось основой его критического отношения к однополярным моделям мира. Так, прагматически признавая полезность межкультурных контактов с Западом, он в то же время настаивал: «Нет единой общеобязательной “западной культуры”...»<sup>9</sup>. Отметим попутно, что подобное представление обусловило неизменно критическое отношение Ильина и к любым мессианским теориям: они, согласно его логике, таили в себе опасность навязывания истории произвольных смыслов. Это в полной мере относилось и к русскому мессианству. Поясняя свою позицию, он писал: «... я не поддерживаю русской мессианской идеи и считаю пропаганду ее *неверной и нежелательной*. Под русской мессианской идеей я разумею идею о том, что *русский дух выше всех остальных национальных духов и что Россия призвана религиозно и духовно спасти другие народы* (курсив Ильина. – Л.Г.)»<sup>10</sup>.

Итак, согласно Ильину, историческая преемственность осуществлялась, прежде всего, в сфере духовной. Он писал: «История учит *духовно-му преемству и сыновней верности*... (курсив Ильина. – Л.Г.)»<sup>11</sup>. Именно национально-духовный акт – «национально-духовный уклад» – выработанный исторически, воспитанный ведущей конфессией народа, обеспечивал осмысленно-ценностное его бытие в общечеловеческом развитии. Не будет преувеличением утверждать, что все пореволюционные произведения мыслителя одной из своих внутренних задач имели сохранение подлинных смыслов отечественной культуры, возвращение социальной влияния которым рассматривалось им в качестве условия преодоления, обусловленного революцией ее разлома. В 1951 г. он писал архимандриту Константину: «Годы идут, а я заканчиваю книгу за книгой... Все они об одном: как восстановить нам, русским, а за нами и другим,

---

<sup>8</sup> Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2, кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 431.

<sup>9</sup> Там же. С. 426.

<sup>10</sup> Ильин И.А. О национальном призвании России (Ответ на книгу Шубарта) // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 411.

<sup>11</sup> Ильин И.А. Путь духовного обновления // Указ. соч. С. 206–207.

*верный духовный акт* (курсив Ильина. – Л.Г.). Акт веры, акт правосознания, акт искусства, акт совести, акт очевидности, акт характера»<sup>12</sup>.

Исторический процесс рассматривался Ильиным в виде непрекращающегося противостояния сил добра (Бога) и зла (дьявола), определявшего его трагический характер. В свете подобного представления становится более понятной отличительная черта самого Ильина как мыслителя: для его мировоззрения был характерен ярко выраженный этический дуализм, отмечаемый большинством исследователей его творчества<sup>13</sup>, несомненно, сказывавшийся на его восприятии и оценках исторической реальности. Воспринимая историю как «трагедию мира в его борьбе со злом»<sup>14</sup>, он сосредоточил свое внимание на проблеме зла. Ключевые выводы относительно природы этого последнего были представлены Ильиным в развернутом виде в книге «О сопротивлении злу силой» (1925), ставшей наиболее известным его произведением. Эта работа, вызвавшая широкий общественный резонанс, была воспринята современниками неоднозначно; многими она была оценена как попытка обеспечить религиозную санкцию борьбе с большевизмом<sup>15</sup>. Конечно, для подобных суждений были основания: достаточно указать на принятую в ней автором обоснование оригинальной идеи «православно-го меча» (хотя сам термин был использован им в другой работе<sup>16</sup>), которую В.В. Зеньковский назвал «кошунственной»<sup>17</sup>. Несмотря на это, текст свидетельствует о более широком замысле Ильина, а именно, мобилизовать христианское человечество на борьбу против сил зла, в состав которых им был включен и большевизм-коммунизм.

В этой нашумевшей работе Ильин представил свое видение «зла», проливающее свет на его интерпретацию не только революции, но и советской реальности в целом, в частности, на его упорное игнорирование каких бы то ни было позитивных процессов в Советской России. Раскрывая природу и логику зла, акцентируя внимание на его способно-

---

<sup>12</sup> Ильин И. Письма к архимандриту Константину (Кириллу Зайцеву) // <http://www.zlatoust.ws/ilyin.htm>

<sup>13</sup> См., напр.: *Евлатмиев И.И.* От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // Указ. соч. С. 60.

<sup>14</sup> Ильин И.А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В.Х. Даватцу) // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 255.

<sup>15</sup> См.: О сопротивлении злу силой: pro et contra. Полемика вокруг идей И.А. Ильина // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 289–556.

<sup>16</sup> Ильин И.А. Идея Корнилова. Из речи, произнесённой в Праге, Берлине и Париже // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 223–228.

<sup>17</sup> Зеньковский В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 435.

сти к разнообразным социально-историческим модификациям, он писал: «Злое начало *едино и агрессивно* и в агрессивности своей *лукаво и многообразно* (курсив Ильина. – Л.Г.)». Тот, кто ему не сопротивляется, тот уступает ему и идёт в его свите; кто не пресекает его нападения, тот становится его орудием или гибнет от его лукавства»<sup>18</sup>. Итак, «зло», согласно Ильину, обладало следующими характеристиками: «единством», «агрессивностью», «лукавством» и «многообразием», которые и следовало принимать во внимание исследователю, например, русской революции или советской действительности. Тем самым автор обозначил основной дискурс собственной историко-религиозной концепции советской истории, стержень которой составило его представление о большевизме как феномене духовном и политическом одновременно. Свое основное внимание он и сосредоточил на исследовании большевизма как масштабной манифестации зла, претендующего на мировое господство. На это справедливо обращали внимание уже современники русского мыслителя. Так, религиозный немецкий деятель В. Прессель писал в 1936 г.: «Для профессора Ильина большевизм – проблема религиозная, большевизм для него – решительная, фанатичная попытка борьбы против Господа Бога»<sup>19</sup>. Вся антицерковная и антирелигиозная политика большевистской власти, породившая в XX в. феномен «мученичества», представлялась Ильину весомым аргументом в пользу признания сатанинской природы и ее самой, и созданной ею государственности<sup>20</sup>.

Избранный религиозный дискурс усложнялся тщательным анализом конкретно-исторического материала, что способствовало обнаружению семантической сложности изучаемых явлений. Достоинства и недостатки этого теоретического подхода Ильина отчетливо просматриваются на примере его интерпретации революции 1917 г. и пореволюционного строительства в России. Стремясь к научной объективности, автор указал на целый комплекс причин, коррелятивно связанных друг с другом, сыгравших роль в этом ключевом событии отечественной истории XX в., инициировавшем глубинные трансформации отнюдь не только в российском обществе. В рамках этой работы представляется возможным затронуть лишь некоторые из этих причин.

---

<sup>18</sup> Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 164.

<sup>19</sup> Предисловие к брошюре И.А. Ильина «Мученичество церкви в России // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 582.

<sup>20</sup> Ильин И.А. Мученичество церкви в России // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 269–282.



Важнейшей предпосылкой победы большевизма в России в 1917 г. Ильин считал систематическое игнорирование природы зла в дореволюционную эпоху, что способствовало формированию в стране среды, благоприятной для распространения разрушительных революционных идей. Это, полагал он, стало возможным благодаря чрезмерно пассивному, некритическому и непротивленческому отношению к стихии зла активных социальных групп, прежде всего интеллигенции. Именно в XIX в., полагал мыслитель, наметился тот разлом национальной России, который приобрел поистине тектонический характер в веке XX. Решающее значение в разворачивании деструктивных процессов, обусловивших размывание традиционного уклада в стране, автором придавалось идеологическому фактору. Социально-экономическая модернизация XIX в. оценивалась им позитивно, как, впрочем, петровский и столыпинский проекты модернизации, ни в коей мере не сводившиеся к тотальной вестернизации.

В разрез с распространенными представлениями о неорганичности российского исторического процесса как его отличительной черте Ильин настаивал на органическом его характере, независимо от сложностей, сопутствовавших социально-экономическим преобразованиям. Резюмируя результаты этих последних к началу XX в., противореча при этом историческим данным, он писал: «И все это росло *органически*, вместе с самим русским народом как *его собственная культура*, как его собственная жизненная форма, подсказанная ему духом его религиозной веры (православие) и его национальным самочувствием (курсив Ильина. – Л.Г.)»<sup>21</sup>. Едва ли можно согласиться с этим выводом Ильина. Во всяком случае, вне его поля зрения остался тот факт, что процессы модернизации обладают выраженным кумулятивным характером и большой трансформирующей силой.

В число важнейших причин русской революции Ильин включил I Мировую войну и недостаточную разрешенность аграрной проблемы в стране. Вместе с тем он не склонен был рассматривать их в качестве непреодолимых: главным аргументом в пользу жизнеспособности Российского государства Ильин считал его высокие темпы развития в предвоенный период<sup>22</sup>. Важным условием политической победы большевиков явилось, по мысли ученого, крайне негативное по своим последст-

---

<sup>21</sup> Ильин И.А. Советский Союз – не Россия. Памятные тезисы // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 340.

<sup>22</sup> См. особенно: Ильин И.А. Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы // Указ. соч. С. 27–84.

виям отречение представителей царствующей династии от престола в сложный для страны исторический момент, резко пошатнувшее русское правосознание. «Большевики завладели Россией именно потому, – подчеркивал он, – что русская интеллигенция была сплошь заражена сентиментально-анархическим неприятием государственности... Эта непротивленческая установка по отношению к бунтующей массе («революционный народ») насаждалась и крепла весь 19 век, пробираясь всё выше и выше и парализуя государственную волю в России. Отречение двух законных государей, а с ними вместе царствующей династии – завершило этот процесс...»<sup>23</sup>. Сложность ситуации, согласно мысли Ильина, еще более усугублялась контрпродуктивной деятельностью Временного правительства, не постигшего природы и назначения государственной власти, среди своих многочисленных функций имеющей и насильственную. Абсолютно чуждым осталось для него представление о «Феврале» как о нереализованной демократической альтернативе в России, которого придерживался, например, Ф.А. Степун<sup>24</sup>. Более того, этот эпизод мыслитель считал одним из самых позорных в русской истории<sup>25</sup>.

«Большевики-интернационалисты», продолжал ученый, лишь умело использовали, – при попустительстве и финансовой поддержке Запада – «мировой закулисы», сложившуюся ситуацию<sup>26</sup>. Обеспечение этой относительно немногочисленной партией широкой социальной поддержки в обществе связывалось Ильиным с ее практикой манипулирования исторической психологией народа. «Она (революция. – Л.Г.) имеет свои исторические корни в жизни масс; без этих корней партии были бы бессильны... большевики укрепились на года только потому, что присосались к этим корням», – подчеркивал он<sup>27</sup>. Особенно успешной для большевиков оказалась, по его мнению, эксплуатация социальных комплексов, например надежды крестьян на «черный передел»<sup>28</sup>, и особенностей религиозного сознания, например «хилиастических ожиданий» народа<sup>29</sup>. В своей совокупности это способствовало архаизации народ-

---

<sup>23</sup> Ильин И.А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В.Х. Даватцу) // Указ. соч. С. 248.

<sup>24</sup> Степун Ф.А. Кем является Александр Федорович Керенский? Демократ и объединение русской эмиграции // Портреты. СПб.: РХГИ, 1999. С. 152.

<sup>25</sup> Ильин И.А. О сопротивлении злу (Открытое письмо В.Х. Даватцу) // Указ. соч. С. 247.

<sup>26</sup> Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1999. С. 338.

<sup>27</sup> Ильин И.А. Записка о политическом положении // Ильин И.А. Собрание сочинений: Дневники. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. С. 215.

<sup>28</sup> Ильин И.А. Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы // Указ. соч. С. 49.

<sup>29</sup> Ильин И.А. Возникновение большевизма из духовного кризиса современности // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 140.

ного сознания, ускоряя деструкцию традиционной системы ценностей со всеми сопутствующими этому процессу последствиями.

Победившую в России большевистскую революцию он рассматривал как явление мировое по своему масштабу и при этом роковое для России. «Кто из нас ещё столь наивен, – вопрошал автор, – чтобы не понимать мирового размаха большевистской революции? Эти люди с первого момента знали, что они хотят, хотя и не знали, что именно у них выйдет... И с первого момента они смотрели на Россию, как на стог сена, или бочку с дёгтем, или бумажный склад для мирового пожара»<sup>30</sup>. В этой лаконичной формуле Ильина выражено его восприятие большевизма как воплощенного зла, антихристианского по природе начала, агрессивно нацеленного на мировую экспансию, равнодушного к национальному бытию России, к русскому человеку и его интересам, в том числе повседневному. В связи с последним следует особенно подчеркнуть внимательное отношение автора к повседневному срезу жизни «простого» советского человека, к сожалению, исследованному им исключительно с негативной стороны<sup>31</sup>.

Признание национально-русской природы большевизма представлялось Ильину исторически недостоверным<sup>32</sup>. «Большевизировать можно *всякий* народ... Ни один народ, – настаивал он, – не застрахован от своей «животности»... И всякая человеческая животность исподтишка стремится к “разнузданию”»<sup>33</sup>. Критика большевизма в версии Ильина расширилась до критики негативных эффектов рационалистической культуры, сведшей к минимуму значение религии как основного регламентирующего социального механизма, единственно способного, по его мысли, одухотворить и социализировать природные инстинкты человека. Любые поиски линий преемственности большевистской и дореволюционной России, как это было характерно, например, для А.Н. Бердяева<sup>34</sup> или Г.П. Федотова, представлялись ему исторически некорректными, спрямляющими сложный российский исторический процесс. В работе «Советский Союз – не Россия» (1947), специально посвященной этой проблеме, он писал: «... когда в 1922 году было, наконец, офици-

---

<sup>30</sup> Ильин И.А. Кто совершил? // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 262.

<sup>31</sup> См., напр.: Ильин И.А. Разрушение семьи в советском государстве // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 85–116.

<sup>32</sup> Ср.: Бердяев А.Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

<sup>33</sup> Ильин И.А. Возникновение большевизма из духовного кризиса современности // Указ. соч. С. 122.

<sup>34</sup> См., напр.: Могильницкий Б.Г. Н.А. Бердяев о русской революции // Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 92–109.

ально объявлено о переименовании России в Союз Советских Социалистических Республик, то этим была только выговорена *основная истина советского строя*: Советское государство – не *Россия*, а Русское государство – не *Советский Союз* (курсив Ильина. – Л.Г.)»<sup>35</sup>.

Катастрофичность советской истории для Ильина еще более оттенялась его восприятием исторического процесса в соловьевском духе как неуклонного расширения человеческой свободы: «История человечества есть постепенное освобождение его от рабства и воспитание личности к свободе, самостоятельности и чести»<sup>36</sup>. Поистине апокалиптический оттенок в свете этого несут на себе страницы произведений автора, затрагивающие проблему тотального натиска советского государства на все проявления человеческого достоинства и человеческой активности – будь то активность религиозная, творческая или хозяйственная, – сопровождавшегося невиданным по своим масштабам террором. Все это в совокупности квалифицировалось Ильиным как «процесс растраты русского народа», в том числе его биогенетического потенциала<sup>37</sup>. В своих поздних статьях, касающихся этой проблемы, он начал применять термин «геноцид»<sup>38</sup>. Обоснованную его критику вызывала и сложившаяся в результате атмосфера страха и доносительства, деформировавшая личность советского человека. С горечью он отмечал: «Это превратило русскую историческую лояльность совести, чести и сердца – в вынужденную *рабскую покорность*, в еженощный трепет голодного человека за себя и за свою семью. Эту покорность они закрепили *всеобщим политическим шпионством и принудительными доносами* граждан друг на друга (курсив Ильина. – Л.Г.)»<sup>39</sup>. За многочисленными высказываниями Ильина по данной теме отчетливо просматривается проблема, не потерявшая своей актуальности и в настоящее время – проблема пределов трансформации человеческой личности под прессом тоталитарного государства. Для него самого она так и осталась до конца не решенной. Систематически акцентируя внимание на духовно-нравственной деформации и даже парализации советского человека, он то и дело указывал на страницах своих работ на существование протестных настроений и проявлений в Советской России.

---

<sup>35</sup> Ильин И.А. Советский Союз – не Россия. Памятные тезисы // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 326–327.

<sup>36</sup> Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2, кн. 2. М.: Русская книга, 1993. С. 242.

<sup>37</sup> Ильин И.А. Советский Союз – не Россия. Памятные тезисы // Указ. соч. С. 348.

<sup>38</sup> Ильин И.А. Политическое наследие революции // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2, кн. 2. С. 247.

<sup>39</sup> Ильин И.А. Советский Союз – не Россия. Памятные тезисы // Указ. соч. С. 352.

Объективно и аргументированно изображая все теневые стороны советской действительности – достаточно присоединить к сказанному выше его блестящий анализ «экспроприационной политики» советского государства и ее последствий<sup>40</sup> или выявленную им логику развития общества в результате превращения государства в «монопольного работодателя»<sup>41</sup>, – Ильин не находил в ней никаких позитивных достижений, никакой положительной динамики, рассматривая ее как тупиковый вариант развития. Такой обобщающий вывод, логичный для автора в свете его историко-религиозных взглядов, не учитывает всей сложности отечественной истории и страдает односторонностью. Едва ли целый исторический период в истории России, действительно отличающийся чрезвычайной сложностью и трагичностью, можно свести исключительно к негативным проявлениям. Концепция Советской России Ильина, содержащая в себе выраженный эвристический потенциал, вместе с тем служит подтверждением тому, что постулирование разрыва в истории как таковой ведет, в частности, к игнорированию инерции прошлого, инерции ментальности, равно как к преуменьшению значения спонтанной жизни народа. Это, в конечном счете, таит в себе опасность упрощения и самого исторического процесса.

---

<sup>40</sup> Ильин И.А. Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы // Указ. соч. С. 47.

<sup>41</sup> Ильин И.А. Яд. Дух и сущность большевизма // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 159.